

ДМИТРИЙ МИЛЬКОВ: Добрый день. Сегодня 29 мая 2020 года. Меня зовут Дмитрий Мильков и мы продолжаем наш проект, который называется «Ленин и Теперь». Разговор о Ленине принципиально из Здесь и Сейчас, из сегодняшнего времени. Разговор, возникший в контексте к параллельной программе, к выставке, которая называется «И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством». Или коротко «Ленин в Громе». Выставке, которая открылась 6 марта 2020 года в арт-пространстве ДК Громов, и которая приурочена к 150-летию Ульянова-Ленина, поэтому именно он становится героем нашего разговора. Сегодня наш разговор с историком, профессором Европейского университета в Санкт-Петербурге Борисом Колоницким. Борис, огромное вам спасибо за согласие принять участие в этом проекте и сегодняшнем разговоре.

БОРИС КОЛОНИЦКИЙ: Спасибо вам.

Д. МИЛЬКОВ: Борис, я хочу начать наш разговор с вопроса о роли Ульянова-Ленина в судьбах России в XX веке. В первую очередь, в судьбе русской революции. Какова эта роль и не преувеличена ли она? Мы привыкли к тому, что считаем Ленина главной исторической фигурой революции, а может быть и вообще всего XX века для России. По крайней мере, определяющая судьбу России личность. Так ли это, на ваш взгляд, и нет ли здесь преувеличения?

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Спасибо за вопрос, Дмитрий. Я думаю, что вы правы. Некий ответ содержался в вашем вопросе. Мне кажется, что роль Ленина мы часто преувеличиваем. Что за этим стоит? За этим стоит естественное стремление персонифицировать историю, без чего обойтись довольно сложно. Но иногда мы преувеличиваем вообще роль каких-то исторических деятелей, которые олицетворяют эпоху. Но это разные вещи. Волей-неволей кто-то олицетворяет эпоху, но это не значит, что его роль в истории — роль всемогущего творца. С чем это связано еще? В некоторой степени мы являемся заложниками советского исторического мифа, советского культа о Ленине, где Ленин представлен творцом. Таким своеобразным перевертышем советского коммунистического культа Ленина является антикоммунистический миф о Ленине, где Ленин предстает тем же самым творцом, только с отрицательным знаком. То есть есть образ сакрализации и

есть образ демонизации. Но возможности Ленина и в том и в другом варианте почти безграничны. То есть это такие зеркальные отражения этого мифа. В одном случае Ленин — демон, в другом случае Ленин — полубог. Что можно сказать о Ленине как о политике? Он был действительно достаточно сильным политиком, он был хорошим политическим тактиком. Вместе с тем, он был, когда нужно, неплохим интриганом. Он был продуктивным публицистом, политическим автором. Он был неплохим аналитиком в политической ситуации. Он мог выступать и как организатор, и как администратор, агитатор. Такой политик разных специализаций. Но как мы с вами уже выяснили, воздействие его преувеличивается существенно. Без Ленина не было бы Октября. Так пишут люди самых разных политических взглядов. Что такое Октябрь? Если считать октябрь началом или важнейшим эпизодом гражданской войны, то можно с уверенностью утверждать, что гражданская война после дела Корнилова в России была фактически неизбежной. Расстановка сил могла бы быть несколько иной. Но если бы Ленин каким-то образом погиб, заболел, умер, был убит в сентябре или начале октября 1917 года, то этот конфликт произошел бы все равно. Другое дело, что Ленин пытался оформить этот конфликт в соответствии со своими интересами. Он идеально подходил для ситуации гражданской войны, но сказать, что он создал ситуацию гражданской войны, хотя ей и немало способствовал, все-таки нельзя.

Д. МИЛЬКОВ: Борис, я бы хотел отыскать некое начало всего. Что было, как говорится, до Большого взрыва? Если упростить, то можно выделить три позиции, которые мы очень часто встречаем у наших собеседников и в обществе. Если все-таки признать, что гражданская война — это не самая приятная штука, это катастрофа, которая случилась со страной, то кто-то из наших собеседников считает, что эта катастрофа началась в феврале, с Февральской революции, а дальше все пошло-поехало, и все остальное просто продолжение февраля. Дальше мы знаем, так было и в 17 году и до сих пор, часть людей считает, что февраль — это хорошая революция, а октябрь — это плохая революция. И следовательно, катастрофа началась с октября, и если бы октября не было, а был бы только февраль, то все было бы замечательно. Я упрощаю. И третья позиция, которая, с одной стороны, сложилась в конце 50-х, в 60-е годы, в период так называемой оттепели. Но многие мои сегодняшние собеседники на удивление говорят о своей поддержке этой позиции, что и октябрь тоже хорошо или хотя бы не плохо, и

Ленин хорошо, а Сталин — плохо. И если бы Ленин не погиб в 24 году, и не пришел бы к власти Сталин, то все опять-таки было бы хорошо. Как вам кажется, где та точка, когда что-то пошло не так? Где та точка, когда страна обрушилась в гражданскую войну, в катастрофу, в потерю огромного населения, и в ту беду, которая случилась?

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Я думаю, что такая точка, когда хорошие сценарии уже были отрезаны, — это 1914 год, потому что вступление России в Первую мировую войну, начало Первой мировой, уже хороших сценариев для России не оставляло. Тут уже выбор был между плохим, очень плохим, ужасным и т. д. Потому что какие-то трещины в обществе, которые существовали еще и до войны. Потому что быстрое развитие России в начале XX века это такой непростой процесс, потому что гуманизация, взрывной рост грамотности и многие другие процессы это всегда испытание и возможности для общественного и политического организма. И Первая мировая война при любом раскладе программировала страну на революционный кризис.

Д. МИЛЬКОВ: Борис, слушая вас, у меня возник вопрос. Вы уже об этом сказали. И это известный факт, слабость в целом временного правительства и слабость отдельных политиков того времени, которые по этой слабости были обречены на то, чтобы не удержать и свою власть и не удержать страну и ситуацию. Дальше есть известная сцена мифологизированная: Ленин заявляет, что «есть такая партия». В смысле, что есть такой человек, есть лидер, который может взять ответственность на себя, который обладает достаточной волей, знаниями, управленческим аппаратом. И в итоге власть у него и оказывается, у этой партии. Что это было? Версия первая. Это была просто наглость, безрассудная смелость, граничащая с наглостью, как сейчас говорит молодежь — «слабоумие и отвага». А дальше страна упала в пропасть, но рано или поздно все заканчивается, и спустя годы во что-то вырулили, полстраны потеряли, потом вернули, полстраны погибших, но как-то все рассосалось. А просто у других не хватило наглости. Версия вторая. Не преувеличивая ленинские качества и не делая из них сверхчеловечески-уникальное, или все-таки Ленин действительно был тем политиком со всеми своими недостатками человеческими и как мыслителя, но который обладал той волей, в том числе готовностью действовать, быть жестким, которыми не обладали другие. И действительно, это был единственный политик, который мог все это сгрести в кулак. Или просто повезло, что так звезды сложились, что, взяв власть, большевики на удивление многим, удержались. Были они

сильнее других? Был ли Ленин принципиально сильнее того же Корнилова, Керенского, министров? Или просто смелость, наглость, слабоумие и отвага?

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Я бы сказал, что Ленин был «нужный человек на нужном месте», как говорят англичане. Он сделал ставку на гражданскую войну, когда ее еще не было в стране. Готовился сам, призывал готовиться своих сторонников, даже провоцировал и обострял ситуацию. Такая волна стихийного движения снизу очень пугала большинство российских политиков. Но не Ленина, не большевиков, не левых эсеров, тут мы говорим не только о большевиках, ни анархистов. Они считали это народным движением. Иногда пытались как-то управлять этими погромными действиями. Иногда пытались их сдерживать, подавлять. И приход большевиков и их союзников в разных регионах страны был связан с этими очень сложными событиями. А я еще не говорю про этнические конфликты, которыми тогда страна была наспигована. Так что не только в Ленине дело. Он подходил для этой ситуации такой многомерной кровавой бани, если угодно. Она многих пугала. А он считал это неизбежностью и желал по возможности управлять этим хаосом. Помните, американцы говорили об управляемом хаосе. Он управлял. Часто это была иллюзия. И он не мог управлять этим хаосом. Но он его не особенно пугал.

Д. МИЛЬКОВ: Борис, есть исторические загадки или мифы вокруг Ленина. Я выписал несколько. Пойдем по очереди.

Ленин и немецкие деньги. Насколько эта история важна в истории? Ленин и немецкие деньги, Ленин — ставленник немецкого правительства. Ленин — агент наших врагов по Первой мировой войне.

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Что мы знаем точно и вполне определенно? Мы знаем то, что немцы ассигновали изрядное количество денег на революционизирование России еще до Февральской революции. Мы знаем также, что немцы какое-то количество денег ассигновали на поддержку правительства Ленина, когда они пришли к власти. Последняя часть является доказанной. А первая часть — сделали немцы Революцию в России, мы не знаем, как приходили деньги большевикам. Если бы кто-то обвинял в нормальном суде Ленина, что он взял деньги от Германии и сделал Революцию в России, я не уверен, что суд юридически точно смог бы это доказать на основании имеющихся документов. Но вместе с тем, я не думаю, что все подозрения были бы сняты. Другой фактор — каково значение, в

этом был ваш вопрос. У нас существует несколько упрощенное представление о роли финансовых потоков в организации политического протеста. Вбацала деньги Россия — и американцы проголосовали как-то не так. Или наоборот. Американцы вбацали деньги, и там начались революции. При всем различии подходов, это одинаковая ментальность. Позвольте один пример для нас близкий. Советский Союз был крупнейшим экспортером Революции в мире. На протяжении почти всей Советской истории Советский Союз пытался спровоцировать революции в различных частях мира. Вкладывались большие деньги, воспитывались кадры, причем кадры убежденные. С религиозным фанатизмом они пытались либо начать гражданские войны, либо организовать революцию, либо прийти к власти другим путем. И что мы видим? Больше было неудач, чем удач. И то же самое было и в Германии. Они пытались революционизировать не только Россию. А пытались спровоцировать восстание в Ирландии, восстание было в 1916 году, но это дало большой политический эффект, скорее, после окончания Первой мировой войны, когда Ирландия получила независимость. Пытались поднять восстание в исламских странах. Это такая идея организации Джихада на мусульманских территориях России, Британской империи, Французской империи. Из этого тоже ничего не вышло. Больше всего денег немцы израсходовали на пропаганду в Румынии, чтобы она выступила в войне на стороне Германии. В итоге Румыния вступила в войну в 1916 году, но не на стороне Германии, а против нее. Так что деньги должны пасть на определенную почву. Вообще справедливости ради надо сказать, что не только Германия деньги тратила в России в 1917 году и ранее. Англичане и французы активно поддерживали Корнилова, поддерживали его пропаганду и некоторых других политиков. Американцы, когда вступили в войну, поддерживали Керенского, есть разные цифры. Некоторые планы и небольшие мероприятия известны даже нам по творчеству, по биографии Сомерсета Моэма, который был специальным агентом в России в 1917 году, с Керенским встречался. Так что как всегда бывает в таких ситуациях, когда случается революция, страна становится полем деятельности различных пропагандистских служб, спецслужб. И тут немцы не были одиночками.

Д. МИЛЬКОВ: Еще одна история. Ленин и месть за повешенного брата. Можно часто услышать, что корни ленинской революционности в этой семейной драме — месть за повешенного брата. Насколько вообще он думал

об этом? Насколько это служило драйвером его деятельности и насколько это мотивировало его?

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Я думаю, что это была большая история. Ленин был носителем политической культуры радикальной интеллигенции. Не он один. Это был целый слой, политическая культура. А частью этой политической культуры был культ мучеников и борцов, героев. Ленин достаточно неплохо относился к героям Народной воли. Были там и другие. Эта субкультура революционного подполья создала развитый культ, были формы почитания. Так что не только Ленин.

Д. МИЛЬКОВ: Скажем так, древнегреческой трагедии, замешенной на родственной крови, вы не видите всерьез?

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Я ее не исключаю, но были и другие факторы. Например, в этих кругах радикальной интеллигенции иметь героически погибшего брата — это налагало на тебя определенные обязательства, может быть, придавало авторитет. Но и шире. Даже если бы брата и не было, был какой-то кодекс поведения интеллигента, тут можно долго говорить в этой ситуации. Но событие не менее важное, чем смерть брата, точно было то, что его выперли из Казанского университета. Способный, очень честолюбивый молодой человек приезжает в знаменитый университет. И чем кончается? Он участвует в студенческих волнениях и получает по заслугам или не по заслугам, но его исключают. Потом он получает высшее образование, но экстерном, заочно. Это немножко другая история. Но это тоже факт, который серьезно влияет на биографию, согласитесь. Но будучи носителем этой культуры, он не мог не участвовать в студенческом протесте. Опять же не только личность, но и целый слой, частью которого был Ленин.

Д. МИЛЬКОВ: И еще одна загадка, тайна, миф. Я недавно пересматривал фильм «Телец» Александра Сокурова и обратил внимание на чудесно сыгранную сцену, где Ленин уже накануне своей смерти в Горках вместе со своей женой Крупской вспоминает дачную загородную пастораль: природа, ветерок, листья, речка, а вокруг мужики ходят. И он произносит фразу в фильме: «Как бы хорошо вновь оказаться там, но при условии, что все то же самое, но без мужиков». И я сразу вспомнил мифологему «Ленин и русское». Понятно, что такое «русское» — большой вопрос, как его определить. Но, скажем, нелюбовь, отторжение Ленина к традиционной русской культуре. Дальше можно по выбору менять местами и перечислять: крестьянство,

православие, самодержавие. Просто какая-то личная неприязнь, как говорят в фильме «Мимино». Насколько это было важно для Ленина — личная неприязнь к старому миру? Но не как политическому мироустройству, не как конкретно экономическому порядку в стране. А именно старый мир в его мелочах, его быту, мужиках, запахах, привычках? Или это демонизация Ленина, под которой реальности нет?

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Тут есть две вещи. Одна вещь очень важная. Интересно, что Ленин воспринимался многими как олицетворение такой России — иногда крестьянской, иногда азиатской. Есть известная речь Троцкого, его книга «Ленин как национальный тип». Он его характеризует как олицетворение России. Может быть, для Троцкого это была возможность подчеркнуть его собственную, Троцкого, роль как международной инкарнации российской революции. Но интересным образом Ленин стал олицетворением хорошего начала большевистской революции для многих крестьян во время Гражданской войны. Я напому сцену в кинофильме «Чапаев», когда спрашивает крестьянин у Чапаева: «Василий Иванович, ты за кого: за большевиков или коммунистов?» И Чапаев говорит: «Я за Интернационал». И крестьяне восхищены, как он хитро отвечает на вопрос. И тут комиссар спрашивает: «Василий Иванович, а ты за какой Интернационал: за второй или за третий?» А Чапаев мало знает о разнице между вторым и третьим, и сразу правильно включает классификацию: «А в каком Ленин?» — «В третьем, коммунистическом. Он его и создал». — «Вот тогда и я в третьем», — с гордостью смотрит Чапаев на комиссара, которому не удалось его уесть, и за этим тоже многое может стоять. И нам эта сцена кажется проявлением недалекости крестьянства, Чапаева. Кажется смешным, странным, комичным. На самом деле за этим могли стоять определенные реалии гражданской войны, потому что в некоторых районах крестьянские восстания антисоветские шли под лозунгами «Мы за большевиков, но против коммунистов» или «Мы за Ленина, но против Троцкого». То есть Ленин в данном случае воспринимался как «свой» для крестьян. Революция была чем-то хорошим. Во-первых, кончилась мировая война, я ушел с фронта. Во-вторых, мы тут землю поделили. В-третьих, вообще бы тут власти поменьше, мы сами командуем, как хотим. В-четвертых, мой брат стал волостным комиссаром и можно дела делать с его помощью. Это важный фактор в гражданской войне, когда свои ребята становятся маленькими, а иногда не маленькими начальниками. Но тут же начинается мобилизация, реквизиции,

приходят ЧК, продотряды, продразверстка начинается. Вот как могут люди делать столь разные вещи? Объяснение такое. Есть хорошие большевики и есть плохие коммунисты, латыши разные, евреи, которые не понимают, что нам нужно. Ну, сидит в Москве наш родной парень Ленин, а с ним родной крестьянский парень Калинин, которому напишешь и он дела разрулит. А все эти хитрованы Троцкого... Лично Ленин относился к крестьянству как к объекту истории. Примерно так же как колонизаторы относятся к населению колонии. Как добросовестный колонизатор. Их нужно обучить, сделать европейцами. Не хотят, так силой. Без силы здесь не обойтись. Такой сложный процесс. Так вели себя в колониях милые образованные люди. Отношение к крестьянству как к объекту истории было свойственно не только Ленину, а многим другим модернизаторам и даже людям, которые считают себя демократами. Такая демократия, но сначала воспитаем народ жестко, а потом, может, настанет демократия. Был ли Ленин русофобом? Его иногда очень жесткие высказывания по поводу России, которые можно процитировать, они действительно жесткие, но вместе с тем они такие русские. У русских интеллигентов мы таких высказываний от Гоголя до современности найдем сколько угодно. А уж у любимого Лениным Салтыкова-Щедрина их лопатой кидай.

Д. МИЛЬКОВ: Борис, в вашем сознании Ленин — это злодей или нет?

Б. КОЛОНИЦКИЙ: А Пугачев злодей или нет?

Д. МИЛЬКОВ: Не знаю.

Б. КОЛОНИЦКИЙ: А Петр Великий злодей?

Д. МИЛЬКОВ: Не знаю.

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Так даже специалисты не готовы дать ответ. И размышления о Ленине дают повод подумать о других персонажах нашей истории. Ленин — это такой тест на наивность нашего исторического сознания. Попытки наших властей представить нашу историю как хорошую историю: в истории России все, типа, было хорошо. Если что-то там было плохо, то это извне, а у нас все было хорошо. И все правители у нас были хорошие. Хорошее можно найти во всех. Но Ленин вышибает. Если все хорошо было до него, то почему Ленин... То есть Ленин не лезет в схему. Поэтому критические высказывания Путина, которые он периодически делает по поводу Ленина. Просто вопрос не так поставлен. Вопрос, как нам

относиться к историческим деятелям. Вот Андрей Евгеньевич Анисимов, мой коллега, большой специалист по петровскому времени. Одну книгу он написал от двух лиц. Один параграф — восторженный почитатель Петра описывает какую-то сферу деятельности Петра, а второй — оппонент Петра. И Анисимов видит правоту и одного, и другого. Думаю, про Ленина еще более сложно написать, чем про Петра Первого или про Пугачева. Но тут нужен даже очень хороший писатель. С Пугачевым у Пушкина получилось написать Пугачева, где он и злодей и не только. А Петра Первого Пушкин развел. Есть Петр и «Полтава», и есть Петр Первый «Медного всадника». Вот тут мы видим совершенно разных Петров.

Д. МИЛЬКОВ: Я предложу свой взгляд, что еще может смущать в фигуре Ленина, когда мы говорим о теме «Ленин и злодейство». Может смущать следующее. Когда мы говорим о Пугачеве, то перед нами возникает образ бунтующего мужика. «Русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Пугачев — неразумный яркий мужик, буян. Когда мы говорим о Петре, о нем известно много в том числе того, что может вызвать оторопь у слушателя и читателя. Но везде, где мы читаем о нем именно те факты, которые вызывают оторопь, у нас предстает перед глазами фигура немножко больного человека, как в романах у Мережковского описан Петр. Когда мы видим человека на грани безумия или за гранью безумия, или с явными временными помутнениями. Когда недавно я говорил с вашим коллегой Артемием Магуном, говоря о Ленине, мы неизбежно затронули фигуру Сталина. И Артемий сказал: «Что делать, нужно признать, что в какой-то момент история Сталина — это история Нерона, Калигулы. Это история правителя, который сошел с ума, спятил. Когда мы говорим о Ленине, я вспоминаю ваши слова в беседе с Артемием и с Хархординым в Европейском университете, и вы очень интересно размышляли об образе Ленина как интеллектуала у власти. И действительно, в массовом сознании образ Ленина, в отличие от Пугачева, Петра, Ленин всегда спокойный, разумный, в кресле с книгой, взвешенный, думающий, совсем не истеричный, совсем не больной. И в то же время — очень жестокий. И отсюда может возникнуть еще одно измерение этого разговора «злодей ли Ленин», потому что в череде тех персонажей, которых мы перечислили, Ленин единственный здоровый злодей. Вы сказали, когда мы говорили о Ленине и немецких деньгах, что на суде доказать было бы трудно. Вот если представить суд, то можно предположить, что Пугачева, Петра и Сталина суд

оправдывает за неменяемостью. А Ленин точно вменяем. Или не совсем так?

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Речь, наверно, идет об эмоциональности и иррациональности. В Ленине всю жизнь оставалось что-то от отличника. Мне отличники всегда внушают подозрение. Такие самоуверенные отличники, как Ленин, авторитарные людям. Одно я могу сказать точно — я бы с Лениным не дружил. Для меня это сложно. В жизни мне люди такого типа попадались. Я отдавал должное их таланту. Но они мне не нравились тем, что с ними невозможно спорить. Ленин — это человек авторитарного типа. Насколько рациональна была его иррациональность — сложно сказать. Но эпоха Первой мировой войны — и время иррациональное, когда мы должны говорить о другом понимании ситуации. Более рационален Ленин, чем названные? Да. Но это и время было политиков, которые претендуют на рациональность, на звания, на знания, на опору на экспертизу. Чтобы читать — у Ленина проблем не было. Даже на заседаниях народных комиссаров он делал несколько дел одновременно. Он читал книгу, одновременно слушал, писал записки, такой многозадачный человек. Очень своеобразный, интеллектуальными способностями он обладал. Несет ли он больше за это ответственность? Я не знаю. История болезни Ленина подробная еще не написана. В общем, так же как истории болезни других государственных деятелей, которые, может быть, что-то нам объяснили.

Д. МИЛЬКОВ: Если бы Ленин не умер в 1924 году, как вы думаете, гипотетически судьба нашего государства сложилась бы принципиально как-то иначе?

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Я думаю, что кризис нэпа был запрограммирован структурно. Он таил в себе кризис. Он не мог продолжаться вечно. Реакция силового преодоления кризиса, которая проявилась в коллективизации, думаю, что Ленин все равно пошел бы на коллективизацию. Как мы говорили, сантиментов по отношению к крестьянству российскому или украинскому у Ленина не было. И он, наряду с большевиками, много сделал, пытаясь расслоить деревню по классовому принципу, спровоцировать классовую борьбу в деревне. Этим они занимались в условиях гражданской войны, этим же большевики начали заниматься и во время коллективизации. Была бы эта коллективизация столь жесткая и жестокая, какая она была бы при Сталине и его команде, мне сложно сказать. Вот чего бы не было — не

было бы 1937 года. Отстрела старой гвардии не было бы. Допустим, к каким-то политическим противникам Ленин относился по-разному. Какие-то фигуры для него были важны, с кем он давно и крепко разругался, и даже разрыв был болезненным. Например, он способствовал выезду Мартова из России. Иногда успешно, иногда нет, многие люди пытались заступаться перед Лениным за деятелей науки, культуры. Горький был особенно прославлен в этом отношении. Вот такие документы лоббирования за кого-то иногда работали. Сталин нет. У него таких ограничителей не было. Он, как мы знаем, снял несколько слоев политической элиты. Иногда лично он. Иногда он не противодействовал процессам этим. Но и Сталин и Ленин — это определенный слой, который стоит за ними, под ними и который их поднимает. В год Гражданской войны появился новый слой людей — выдвиженцы Гражданской войны. Люди, которые были подготовлены к вертикальному, карьерному, очень быстрому взлету по личностным характеристикам, не по уровню образования и предшествующему политическому опыту, они набирали этот политический опыт в условиях Гражданской войны. Очень разные люди. Например, мы говорим 10 мая советские маршалы Победы: Жуков, Рокоссовский, Конев. Все они — унтер-офицеры Первой мировой войны, все они члены или председатели полковых комитетов в 1917 году. Потом они вступают в партию в годы Гражданской войны. Потом они поднимаются в ходе Гражданской войны все выше и выше. Но для них Гражданская война была славным временем колоссального карьерного взлета. Они и политизировались, уже находясь во власти, в условиях Гражданской войны, когда реквизиции, чрезвычайки, взятие заложников, когда расстрелы. Главное, решить проблемы любой ценой. Всюду враги: слева, справа, внутри. Нужно прорываться, делать задачу, побеждать, не смотря ни на что. И конечно, они были Гражданской войной перепаханы. А это же не только военные, но и гражданские люди. Например, Никита Сергеевич Хрущев. Такой же породы человек, но не военный. Многие будущие чекисты, НКВДшники и прочее, некоторые устали от войны, хотели от нее отдохнуть. Многие сдвинулись во время гражданской войны, имели букет различных заболеваний. Некоторые оставались здоровыми и к власти тянулись. Естественно, когда в жизни возникали трудности, и они оказывались в ситуации политического выбора, они часто были запрограммированы на такой чрезвычайный критический выход из ситуации. Сталин было адекватен этому слою больше, чем Троцкий и больше, чем

Ленин с его старой гвардией. А эти ребята, которые выросли во время Гражданской войны, то Сталин — их человек.

Д. МИЛЬКОВ: Мне хочется вернуться к вопросу о каких-то точках в истории, с которых все начинается и заканчивается. Мы начали разговор, что история русской революции начинается не в феврале, не в октябре 1917, а начинается в 1914 году, с началом Первой мировой. Естественно, что до этого революция 1905 года, различные движения, это деятельность того же Ленина. Но все равно какая-то точка вступления в России в Первую мировую и вообще для Европы начало Первой мировой. Дальше случилась революция и гражданская война. Весьма распространенной является точка зрения, что Вторая мировая война — это тоже продолжение Первой, и следовательно, здесь не новая история, а продолжение старой. Потом заканчивается Вторая мировая война и начинается коммунистический режим в Советском Союзе. А сейчас вы говорите в интервью, что мы живем в стране с явным антиреволюционным консенсусом. Часто можно услышать о том, что мы живем в стране победившей контрреволюции. Точка историческая, конец части романа под названием «Русская революция. XX век. Ленин», где-то уже может быть поставлена? В конце 80-х XX века или в начале 90-х? Или сегодня? Или мы в достаточно критически большой степени живем и сейчас в мире посткоммунистическом, где Ленин не только продолжает лежать в мавзолее, как некий символ, а когда эта история продолжается, влияет на нас, и все мы живем еще в том мире. Где эта точка может быть поставлена?

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Это сложный вопрос: жив ли Ленин? «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить». Бесспорно, Ленин жил. И жил он долго после своей смерти. Жив ли Ленин сейчас? Это большой вопрос. И жалко, что мы говорим так, а не на вашей выставке. Я ее просмотрел дважды или трижды. И она могла бы быть фоном, и какие-то экспонаты можно было показывать, подтверждая свои рассуждения. Французский историк Пьер Нора сделал большой проект «Французские места памяти». Там десятки глав в нескольких томах. Это точки сборки французской идентичности: Жанна Д'Арк, или пантеон, или французская пицца, или оппозиция левая и правая и т. д. Что делает французов из исторического прошлого французами? Это очень удачная метафора была найдена. Многие пытались найти свои места памяти: немецкие, голландские, итальянские. Были попытки написать что-то про российские места памяти. Наиболее удачная попытка — это книга немецкого историка Фритьофа Беньямина Шенка «Александр Невский в русской

культурной памяти», где он старался показать, как этот образ лепили на протяжении российской истории в своих интересах разные авторы. Мне кажется, что Ленин, безусловно, продолжает оставаться неким местом памяти современной России. Это такое место памяти посещаемое. Молодое поколение сейчас историю знает хуже, но все-таки про Ленина сложно не знать что-то. Иногда люди слишком уверены в своих знаниях, но какие-то знания, безусловно, присутствуют. И сложно не жить, не понимать этого, потому что мы живем отчасти внутри такого советского мемориального проекта — Ленин. Иногда раздаются призывы что-то сделать с этим мемориальным проектом. Вынести Ленина из мавзолея, или кто-то хочет сделать ленинопад в России, похожий на украинский, и прочее. Мне кажется, это долгая история. Большинство населения не одобряет такие меры по демонтажированию этого проекта. Большая часть населения, согласно опросам, выступает против уничтожения монументов, в меньшей степени, но тоже большинство, против переименования улиц. Многие не готовы расстаться с мемориальным проектом Ленин. Но многие, готовые расстаться, оказались не готовы расстаться. Потому что от Ленина просто так не уйдешь. Там присутствует два ряда экспонатов. Одни экспонаты — это куски советского мемориального проекта. Так, да? А второе — это выворачивание большого мемориального проекта, что началось еще до падения Советского Союза, проявлялось в фольклоре в виде анекдотов про Ленина, которые появились в изобилии 50 лет назад в 1970 году, во время столетия Ленина. Были материализованы в различных проявлениях: соцакты, карикатуры, многообразные фиги в кармане. Курехин, который присутствует у вас. Но это же отталкивание от советского мемориального проекта. Станным образом в этом контексте и советский мемориальный проект выглядит как карикатура на самого себя. Но и антисоветский контрпроект иногда выглядит как продолжение, а иногда часть и продолжение советского мемориального проекта. Потому что для того чтобы понять стеб, нужно что-то знать про канон. Так ведь? Это долгая история. И ваша выставка иллюстрирует, что от Ленина так просто не уйдешь и не убежишь. И мне кажется, очень важна необходимость понять неприятное родство, наследственность, гены, которые сидят в нас политические, это от Ленина. В нас немало от Петра Первого. Я как житель Петербурга, как и президент Путин, который жил в двух кварталах от меня, нас воспитали на примере Ленина. И Петр Первый со своими плюсами и жестокостью. Мы ходим по замечательному Петербургу, который был создан благодаря людям, которые работали в условиях

протоГулага в начале XVIII века. И мерли здесь, как мухи, забивая сваи или делая что-то другое. Ленин — я вынужден сказать без всякой радости, дедушка Ленин, такой у нас дедушка. Он влияет и на нашу политическую культуру и сейчас. Это такое непростое влияние. Индекс цитирования Ленина в современной публицистике очень велик. Иногда люди не осознают, что цитируют Ленина. Но они его цитируют. Некоторые вещи, которые существуют в нашей политической культуре, им выражены очень хорошо. Прежде чем объединиться. Нам нужно размежеваться, например. Мы чемпионы мира по размежеванию. Тут Ленин остается прав. Я вынужден сказать даже, что Ленин жив. Ленин не живее всех живых, но некоторая живость его я вынужден признать.

Д. МИЛЬКОВ: Борис, заканчивая наш разговор, я, следуя закону жанра, всем собеседникам задаю вопрос, и всякий раз прошу недолго думать над ответом. Назовите, пожалуйста, пять прилагательных, которые, на ваш взгляд, наиболее релевантны фигуре Ленина или просто первыми приходят в голову в связи с этим именем.

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Рациональный, жестокий, нетерпимый, обаятельный, одинокий.

Д. МИЛЬКОВ: Спасибо. Мы сегодня беседовали с петербургским историком, профессором Европейского университета в Петербурге Борисом Колоницким. Спасибо вам огромное за беседу и за добрые слова о громовской выставке. Я надеюсь, что мы на ней еще с вами встретимся.

Б. КОЛОНИЦКИЙ: Я буду рад.